СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

Какъ на Славномъ Дону, на широкой рѣкѣ
Проживалъ народъ больно весело:
Казакомъ мужикъ прозывался тамъ.
А и жилъ казакъ жизнью вольною,
Жизнью вольною, молодецкою.
Какъ нерѣдко они собирались войной
На лихихъ бусурманъ, да на нехристей,
Какъ и та-ль война имъ потѣха одна
Разудалая, безшабашная.
Нападутъ молодцы на туретчину,
На везутъ оттоль добра всякаго.
А и дома народъ во довольствѣ жилъ;
И мірской земли было множество
И мірской казны смѣты нѣтути;
А про всякъ-случай вина крѣпкаго
Цѣлы бочки у нихъ понакачены.

И не зналъ народъ ни повинностей,
Ни рекрутчины, ни царевыхъ слугъ,
Ни лихихъ господъ, ни крѣпостныхъ людей.
А и въ той сторонѣ были равны всѣ:
Атаманъ ли то, эсаулъ какой
Передъ обществомъ всякъ простой козакъ.
И прошла про нихъ слава громкая,
Слава громкая, да по всей Руси.
И спровѣдалъ царь, что на вольномъ Дону
Во богатствѣ живутъ, во удовольствіи,
И въ мірской казнѣ денегъ много есть.
И послалъ къ казакамъ всякой сволочи
И лихихъ господъ, и исправниковъ
Наложить на народъ оброкъ, подати.
Понагрянули слуги царскіе
И мірскую казну поразграбили,
И съ самихъ казаковъ взяли подати
И тѣхъ денегъ часть царю отдали,
А другая часть, что побольше той,
По своимъ мошнамъ растерялася.
А и каждый годъ съ этихъ самыхъ поръ
Къ казакамъ на Донъ собирать подати
Слуги царскіе ѣздить зачали:
Видно дѣло то полюбилося.
Ста годовъ не прошло, какъ казачество
Отъ повинностей не въ сутерпъ пришло,
А и пуще того, да отъ сборщиковъ
Проявился у нихъ и такой народъ,
Что за денежки, милость царскую
Былъ онъ радъ продать все казачество.
Завелись съ того богачи у нихъ
А богачъ бѣдняку не ровнина вѣдь:

Хоть простой мужикъ, а коль сталъ богатъ,
Не водить съ бѣднякомъ хлѣба-соли ему.
И заставила бѣдность горькая
Съ утра до ночи на богатаго
Работать козака, да за мѣдный грошъ,
Да голодному да холодному
Слезой горькою обливатися.
А и въ тѣ поры во народѣ былъ
Удалой боецъ, да честной казакъ,
Стенькой Разинымъ прозывался онъ.
Не однажды онъ на войнѣ бывалъ,
А и Разинъ съ того по разславился
Своей удалью безшабашною
Своей смѣлостью, да смышленостью.
А и всѣ казаки знали Разина,
Знали слово его, слово твердое,
Слово твердое, да правдивое.
И казацкій народъ Разинъ крѣпко любилъ,
А мудренаго въ томъ нѣтути:
Вѣдь казацкій народъ былъ родимъ ему.
И задумалъ Степанъ слобонить казаковъ
Отъ повинностей, да отъ баръ лихихъ,
Отъ царевыхъ слугъ, гостей незванныхъ;
А и кликнулъ кличъ имъ Степанушка,
Собрались во казацкій кругъ люди бѣдные.
(А по нашему тотъ казацкій кругъ
Мірской сходкою прозывается.)
Собрались казаки слушать Разина.
И держалъ Степанъ таковую рѣчь:
„Ужь вы, братцы мои, вы товарищи,
„Бѣдняки казаки, безталанный народъ,
„Безталанный народъ, да ограбленный,

„Долголь братцы намъ горемычнымъ
„Отъ господъ терпѣть поруганіе,
„Надрываться трудомъ на купечество,
„Потѣшать богачей нашей бѣдностью,
„Отдавать каждый годъ слугамъ царскіимъ
„На повинности наши денежки.
„А и долголь съ горя, да съ голоду
„Погибать казаку по напрасному
„А и видно царю не мы надобны
„Видно нужны ему наши денежки.
„Да не отъ господа, вѣдь такъ поетавлено,
„Чтобъ помирать казаку по собачьему.
„Не отъ господа, а отъ баръ лихихъ,
„Отъ царевыхъ слугъ, богатыхъ купцовъ.
„И хотятъ у насъ уничтожить казачество,
„Отобрать у насъ нашу волюшку,
„Да и въ крѣпость насъ полонить потомъ.
„Не бывать же ,казаки, по ихнему,
„Не бывать ,молодцы, по господскому
„Не сломать господамъ воли матушки,
„Постоимъ за нее за сердечную;
„Подорвемъ мы ихъ замыслы хитрые,
„Посчитаемся мы за всѣ бѣдствія,
„За казацкій народъ по разграбленый,
„И за тѣхъ мужиковъ, что всѣ братьями,
„По Христу казакамъ, да приходятся;
„А вѣдь ихняя жизнь хуже нашенской,
„Имъ ли терпѣть не приходиться
„Отъ купцовъ, торгашей, отъ помѣщиковъ,
„Отъ царевыхъ слугъ, смрадной сволочи;
„Помирать ли теперь по напрасному
„Казакамъ удалымъ, да отъ голоду?

„Коли сгинуть, такъ ужь на полѣ,
„Во лихой войнѣ вмѣстѣ съ саблею
„За народъ положимъ буйну голову,
„За него помереть грѣха нѣтути,
„За него на крестѣ и Христосъ распятъ.
„И тѣ въ комъ есть душа божеска,
„Тѣ за мной иди выручать мужиковъ.
Уничтожимъ господъ, уничтожимъ купцовъ и торгашество.
„Отберемъ у помѣщиковъ земли для общества,
„Повернемъ мы назадъ волю прежнюю,
„Обернемъ мужика во казачество.
„А и съ этихъ же поръ да народушко
„Станетъ весело жить припѣваючи.
„А теперь пойдемъ во туречину
„Добывать казну, дорогихъ камней,
Чтобъ добывать на нихъ нашу волюшку.
„Ну живѣй молодцы на струга,
„Да на весла струговъ здоровѣй навались.
А и лодки, струга закачалися,
Какъ казаки на нихъ навалилися:
Отъ того ли отъ гаму казачьяго,
Отъ весельнаго плеску, дружнаго.
А и славный Донъ всколыхался весь,
Разыгрался волной перекатною,
Ровно синему стало радостно,
Что взялись за умы добры молодцы.
То не вѣтеръ гудетъ, воетъ по полю,
То не Донъ рѣка въ берегъ плещется
Завываютъ то жены казацкія
А и спасу онѣ со пречистою
Денно и ночно сердечныя молятся
Не о томъ бабы молятъ спасителя;

Что бъ въ сиротсвѣ онѣ не остались,
Не о томъ, чтобъ мужья воротились,
А о томъ, чтобъ добыча была казакамъ,
Чтобъ Господь казакамъ помогъ волю вернуть.
А ужъ кто изъ ребятъ неворотится
Видно такъ ужъ отъ Бога показано.
И проходятъ недѣли да мѣсяцы,
А про Разина со дружиною
Никакихъ вѣстей не имѣется.
И живутъ на Дону все по прежнему:
Съ маклаками купцы наживаются,
А на нихъ бѣдняки все работаютъ
Все работаютъ,сами думаютъ:
Кабы знамо то было, да вѣдомо
И мы не отстали бъ отъ Разина.
Съ атаманомъ своимъ этой самой порой
Казаки добрались до Туречины.
Досталось отъ нихъ бусурманину.
Перебили они много нехристей,
Не одинъ караванъ поразграбили,
Не одинъ четверикъ злата серебра,
Самоцвѣтныхъ камней заработали.
На невѣрной землѣ много буйныхъ головъ пооставлено,
Много крови на ней пораспролито.
Той порой да про войны казацкія,
Какъ рѣка протекла слава громкая,
Вплоть до самой Руси пораздвинулась.
И о томъ, что де вольница съ Разинымъ
Слобонить мужиковъ собирается,
Кому надобно и не надобно
На Руси всякъ узналъ до единаго.
Такъ прослышалъ въ Руси православный народъ,

Что не долго ему натружатися
На повинности, да на барщину;
Что не долго надъ нищимъ купечеству
Толстобрюхимъ свиньямъ, насмѣхатися,
Что тогда за работою къ барину
Не пойдемъ мы низехонько кланяться,
Будетъ всѣмъ на міру земли матушки,
Какъ отымутъ ее отъ помѣщиковъ.
Міроѣды тогда не осмѣлятся,
Какъ придетъ пора сдавать подати,
У народа скупить во три дешева
За нуждой большой его хлѣбушко;
А въ великомъ посту во три дорога
Мужичкамъ продавать муку затхлую;
А и станетъ хватать вплоть до новинки
Про всѣхъ корму и хлѣба скотинушкѣ.
И на Руси мужички неимущіе
Со слезамъ на колѣночкахъ молятся,
Чтобъ Господь выручалъ ихъ скорѣича,
И послалъ казаковъ вмѣстѣ съ Разинымъ.
А и баре, царевы прислужники,
И купцы про то дѣло пронюхали:
А и жутко имъ стало—грабителямъ,
Всякъ за землю свою, да за денежки
Казаковъ молодцовъ опасается:
Безъ земли господамъ дѣлать нечего
Вѣдь работа для нихь дѣло трудное,
А безъ денегъ купецъ на что годенъ онъ?
Хоть отродья то онъ и не барскаго,
А работать пузастый непустится,
Норовитъ чтобы люди сработали.
А и вышелъ поэтому царскій указъ:

„Изловить, молъ, разбойника Разина,
„Изловить и казаковъ грабителей,
„Посылать ихъ въ Сибирь, на каторгу,
„За то что посмѣли смутьянствовать,
„Что равнять сиволапыхъ задумали
„Съ господами съ моими, богатыми.“
Хоть и больно хитеръ былъ тотъ царскій указъ,
Да и молодцы были догадливы:
Насказали они тутъ царевымъ слугамъ,
Что де смуты вести пораздумали;
Надарили слугамъ самоцвѣтныхъ камней,
За то само они милость царскую
Черезъ алчность бояръ заслужили себѣ,
И на Донъ повернуть имъ позволили.
На Дону жь побывать было надобно:
Былъ большой недохватъ во всей вольницѣ;
На Дону же народу—да къ Разину
За всегда попристать не откажутся.
И прослышала голь, бѣдняки казаки,
Приближается къ нимъ, молъ, та вольница
Во свояси идутъ вмѣстѣ съ Разинымъ,
А прослышамши то, пораздумались:
—Эхъ кабы намъ да теперь супротиву господъ
Всей казацкой ордой да и двинуться.
А и слышатъ, послышатъ молодушки,
Не далече отъ нихъ ужь повольнички,
Не сегодня такъ завтра удалые
Попристанутъ казаченьки къ пристани,
Къ той самой, откуда допрежь того
Собрались на Туречину молодцы.
А отъ той ли отъ самой отъ пристани
Шагахъ во ста, а можетъ и болѣе

Находился кабакъ по прозванью „кривой„,
Ко тому кабаку дожидать казаковъ
Каждый день приходило во множествѣ
И казаковъ и бабъ, да и малыхъ ребятъ,
Все отцовъ, да мужьевъ, да товарищей
Поджидать приходили сердечные,
Просмотрѣли, смотрѣмши, всѣ глазеньки.
Однимъ днемъ собралися по прежнему,
Поджидаютъ, сидятъ по завалинкамъ,
Да и курятъ махорку изъ трубочки;
А иные галдятъ, прохлаждаются,
Въ кабакѣ за ведеркою водочки;
А и парни ли съ дѣвками красными
Завели хороводики съ пляской.
На дворѣ той порой вечерѣлося,
Расходиться ребята ужъ зачали,
Какъ негаданно гаркнули съ пристани:
„Ей, постой, молъ, народъ православный,
„На рѣкѣ чтой-то ровно копается,
„Только намъ разглядѣть не приходится.„
Загалдѣла орда тутъ казацкая,
Поприхлынулъ нардъ къ самой рѣченькѣ.
А по рѣкѣ струга словно лебеди
Другъ за дружкой идутъ они къ пристани;
На кормѣ стоятъ молодцы лоцмана
Съ боку кажнаго по двѣнадцати
Удалыхъ гребцовъ, удалыхъ молодцовъ,
Распѣваютъ они пѣсни звонкія
Волю волюшку выхваляючи:
А и пѣсни тѣ внизъ по рѣченькѣ
Ровно гулъ гудятъ, разливаются.
Вотъ приставъ къ землѣ добры молодцы

И на землю мать, да повышли всѣ.
Застонала тутъ степь широкая,
Видно тутъ она почуяла,
Что не долго быть ей посмѣшищемъ,
Что не долго рожать хлѣба множество
На однѣ ли брюха, на лѣнивыя.
А и первымъ ли дѣломъ казаченьки
Поклонились Христу ихъ Спасителю,
Что привелъ имъ домой воротитися,
Помянули и души усопшія,
На невѣрной землѣ что осталися;
А и дѣломъ вторымъ добры молодцы
Всему міру затѣмъ поклонилися;
А потомъ ужъ съ роднымъ повидалися,
А народъ-то стоитъ да дивуется
На родныхъ, на товарищей глядючи,
Ровно баре они разодѣлися;
На головушкахъ у нихъ шапки казацкія,
Самоцвѣтнымъ камнямъ разукрашены,
На самихъ все кафтаники шелковы,
Шаравары-то бархата алова;
Только руки у нихъ не господскія,
Только лица совсѣмъ обгорѣлыя
Отъ ружейнаго дыму отъ пороха,
Да рубцы на ихъ лицахъ широкіе
Все отъ тѣхъ ли сабель турецкіихъ.
А и выступилъ тутъ атаманъ Степанъ,
А и диву дался православный народъ:
Не узналъ никто изъ нихъ Разина,
Ровно въ ту пору годковъ на десять
Постарѣлъ свѣтъ-атаманъ Степанъ,
Ему горше другихъ доставалося;

Онъ съ того атаманомъ прозывается,
За всякъ часъ впереди онъ находится.
Вотъ повыступилъ атаманъ Степанъ
И сказалъ казакамъ таковы слова:
„Не забыли мы, что обѣщано,
„Волю-матушку, нашу родную;
„Мы затѣмъ теперь на Донъ прибыли,
„Чтобы кликнуть кличь по казацкой землѣ:
„Кто, молъ, смѣлъ, правдивъ
„Будь намъ братъ родной.
„Можетъ съ мѣсяцъ здѣсь мы помѣшкаемъ
„И пойдемъ тогда на господъ войной.“
Заорали тогда казаки въ отвѣтъ:
—Не отстанетъ никто отъ повольничковъ.
Говоритъ опять свѣтъ-Степанушка:
„Когда такъ, молодцы сроку мѣсяцъ вамъ.
„Соберемся скорѣй и отправимся;
„На Руси вѣдь народъ дожидается,
„А покуда гуляй, не зѣвай, молодцы.“
Съ кабака между тѣмъ цѣлу боченьку
Вина крѣпкаго вольница ставила,
И пошла тутъ гульба разудалая,
Пошли пѣсни играть, въ хороводѣ плясать.
Каждый день съ той поры съ утра до ночи
У того кабака стономъ стонъ стоитъ
Какъ гуляютъ казаки до времени;
Всей ордой на богатыхъ сбираются,
Слобонить мужиковъ похваляются.
А и баре-ль большіе съ купечествомъ,
А и тѣ-ли прислужники царскіе
Только тутъ за умъ спохватилися,
Какъ прослышали, что повольнички

На кривой въ конецъ ихъ объѣхали;
Попеняли они за корыство свое,
А ужъ сдѣлать имъ теперь нечего,
Не словить ужъ имъ ясныхъ соколовъ
Во синемъ небѣ, во чистомъ полѣ.
И задумало тутъ все богачество
Не казистое дѣло да черное,
Позамыслило известь Разина,
Да Господь уберегъ свово ратника
Отъ нечистыхъ рукъ, отъ господскіихъ,
Тѣхъ чиновниковъ, что подосланы,
Да на вольный Донъ известь Разина;
Загробастали всѣхъ ихъ повольнички,
Да и Разину всѣхъ да представили.
„Разсуди молъ ихъ, атаманъ честной,
„Какъ положитъ Богъ тебѣ на душу.“
Отвѣчалъ тогда атаманъ Степанъ:
„Не себѣ одному, служу службу я,
„Не себѣ одному, а народу всему православному,
„И не я одинъ, весь народъ долженъ
“Осудить теперь этихъ царскихъ слугъ.“
—Когда молвилъ ты таковую рѣчь,
Такъ осудимъ псовъ по собачьему.
Заорали въ отвѣтъ добры молодцы.
„А собакамъ тѣмъ и собачья смерть,
„А и та ли честь имъ осина одна,
„И повѣсимъ всѣхъ до единаго
„Другъ за дружкою на осинушкѣ.“
Вотъ и мѣсяцъ тотъ на исходѣ былъ,
Собралася рать, сила божія,
Собрался и Степанъ Тимофѣевичъ
Выступать въ походъ изъ Черкаскаго

Покрестились на храмы господнія,
Да на всѣ на четыре на стороны,
Вплоть до матушки, до сырой земли,
Поклонилися, попрощалися;
И несмѣтная сила силушка
Молодыхъ бойцевъ во сѣделушки
На добрыхъ коней повскакали всѣ,
Въ походъ двинулись ажно пыль столбомъ
Вдоль по улицѣ слѣдомъ стелется;
А у нихъ то-ли копья острыя
Ровно частый боръ затмилъ солнышко.
Проводили ихъ и молодушки;
Не слезами онѣ проводили ихъ;
Любо было имъ волю вольную,
Всѣмъ желанную, поджидать къ себѣ.
Только вольница, сила божія,
За границу ту, за козацкую
Переправилась, растянулася,
Какъ со всѣхъ сторонъ сталъ народушко
Сталъ подваливать въ ихне воинство.
А помѣщики съ міроѣдами
Въ города ушли, схоронилися,
И послалъ къ нимъ царь на ихъ выручку
Полки многіе, да полковниковъ.
Не охота была тѣмъ солдатикамъ
Супротивъ своихъ да войной идти,
Знали твердо они, что козаченьки
Не плохое что позадумали;
Не охота вѣдь, а неволюшка,
А неволя та не родная мать,
Пуще звѣря она, пуще лютаго;
Той неволею застращенъ солдатъ,

А отъ нее то онъ ровно скотъ какой,
Что велятъ ему, то и дѣлаетъ.
А и ноченькой, не погодною,
Да на бережку подъ осокою,
Въ десяти верстахъ отъ Зарайскаго
Рать казацкая становилася,
Пораскинула холщевы шатры,
Позажгли костры варить кашицу;
А на ихъ костры подвалилъ гуртомъ
Къ нимъ народушко изъ подъ города,
Да изъ тѣхъ ли селъ, изъ ближайшіихъ;
А народушко все замученый,
Да смореный весь во лоскутикахъ,
Зипунишко весь поистасканный,
Весь попродранный, позаплатанный.
А и много ихъ мужиковъ пришло,
И старикъ тутъ былъ весь то сѣденькій;
И парней молодыхъ понабралося,
А и бабы туда жъ отъявилися,
Подошли къ кострамъ становилися.
„Что молъ надоть вамъ, люди добрыя?„
Вплоть до самой земли поклонилися
Да молвили мужики таковы слова:
„Православные, попримайте насъ
„Въ вашу вольницу, во казачество;
„Опостылѣло на богатыхъ намъ весь трудиться вѣкъ.“
Отвѣчали въ отвѣтъ имъ козаченьки:
„Отчего не такъ, принять примемъ васъ,
„Только ты молъ, дѣдъ, добре старъ,
„Ну куда тебѣ въ наше воинство.“
А и молвилъ тутъ старый дѣдушка:
„Ахъ примай меня, не отказывай,

„Вѣдь не паръ во мнѣ—душа божія.
„Не разбойникамъ же отдавать меня,
„На богатаго вѣдь работали жъ,
„На самихъ себя поработаемъ.“
„Ну нехай, старикъ, будь по твоему,
„А что-жъ съ бабами мы подѣлаемъ?
„Изъ ружья стрѣлять не сподручно имъ,
„Хоть работать онѣ и гораздыя,
„Да работать тутъ вѣдь не на полѣ,
„А бороться стать, да не съ колосомъ.
А и пуще тутъ бабы зачали
Молодцовъ просить, чтобъ ихъ приняли:
„Не замайте молъ не отстанемъ мы,
„Коль не съ ружьями, пойдемъ съ вилами.“
Погуторили тутъ козаченьки,
Промежу собой разсудили такъ:
„Намъ залишнее, да не въ тягость вѣдь,
„Можетъ, гдѣ и подмогутъ намъ.“
Попримали всѣхъ до единаго,
А принявши-то по стаканчику
Вина крѣпкаго обнесли потомъ,
Посадили всѣхъ вмѣстѣ ужинать,
А за ужиномъ разгуторились:
„Отчего, молъ, вы поубѣгли къ намъ,
„Аль не ладно вамъ по домамъ жилось?“
— „И съ чего ладно то? старикъ вымолвилъ,
„Коли все у насъ, все имущество
„За повинности пораспродали.
„У невѣстки то была дѣвочка,
„Да малешенька, только грудь одну
„И примала знать; какъ распродали
„Всю скотинушку, тутъ невѣстушка

„Стосковалася, да и какъ же быть?
„Разлилось съ того молоко у ней,
„И не стало чѣмъ кормить дочери,
„Померла съ того ея дѣвочка,
„А сама съ тѣхъ поръ помутилася.“
—„А у насъ не то, что скотинушку,
„А и крышу мошенники продали,
„Такъ безъ крыши изба и стоитъ теперь.„
Сказалъ парень такъ моложавенькій.
„Не у васъ однихъ, у всего почесть
„Села нашего крыши проданы.“
Отвѣчалъ другой пожилой мужикъ.
А и молвилъ тутъ одинъ съ фабрики:
„Горше этого молъ случается:
„Двухъ братовъ моихъ, отца родного
„Раздавило ихъ да на фабрикѣ,
„И меня она окаянная
„Не объѣхала своей милостью!„
И съ земли затѣмъ поднимается
Съ плеча слѣваго весь изодранный
Полушубочекъ пооткинулъ онъ;
А и смотрятъ всѣ, что на мѣсто руки
Только локоть виситъ,
Весь тряпицами поумотанный.
„Какъ отъѣло мою руку лѣвую
„Говорю тогда я хозяину:
„Вѣдь работать теперь не сподручно мнѣ
„Знать одинъ конецъ-побираться стать,“
А и онъ въ отвѣтъ: „вѣдь не я тебя.“
А и такъ то тѣ добры молодцы
Вплоть до утречка прогуторили,
А на зорюшкѣ пошли далѣе.

Подъ Зарайскимъ ихъ полки царскіе,
Пушки мѣдныя дожидалися.
Подходили туда добры молодцы
И увидѣли тамъ войско царское,
А и въ войскѣ томъ пушки мѣдныя
Дожидаются добрыхъ молодцовъ,
Перенять хотятъ путь дороженьку,
Разгорѣлась кровь у повольниковъ,
Ретивое ихъ расходилося,
А и рать люта становилася.
Посымалъ народъ съ себя шапочки
Помолились за тѣмъ они дружно всѣ
И другъ съ дружкою попрощалися;
Повскакали всѣ на добрыхъ коней,
На солдатиковъ понакинулись.
Закипѣла тутъ свалка знатная,
Загремѣли тутъ пушки мѣдныя,
А и много ихъ тѣхъ повольниковъ
Перебили тѣ пушки мѣдныя;
Да не мало ихъ и осталося,
А послѣдніе не попятились;
Пуще прежняго захотѣлось имъ
Позабрать себѣ волю-волюшку;
Навалилися, понакинулись,
Ровно звѣрь какой на солдатиковъ.
А и Разинъ ли идетъ спереди
Саблей вострою разгребаючи
Путь дороженьку ко Зарайскому;
Куды разъ махнетъ лежитъ улица
А другой махнетъ съ переулочкомъ.
А и долго такъ билась вольница,
Много крови лилось человѣческой.

А и дорога кровь проливалася
По хотѣнью тому по господскому;
Хоть самихъ господъ тутъ и не было,
Да хитры они больно бестіи
Помирать другихъ позаставили
За свое добро, за права свои.
А и той порой въ ратномъ полюшкѣ
Было множество перебито ихъ,
И пришлось отстать тѣмъ солдатикамъ.
Не осилили пушки мѣдныя:
Чего хочетъ міръ, видно Богъ за то,
И хотѣнія да народнаго
Не смогитъ унять ничья силушка.
Понаперли лишь ряды задніе
И шарахнулись тутъ солдатики,
Побѣжали всѣ съ поля ратнаго,
А имъ во слѣдъ, да повольники
Прямо въ городъ всѣ понагрянули;
И пошла рѣзня тутъ по улицамъ.
А и баре ли съ міроѣдами
Изъ хоромъ палятъ, позаперлися.
И молодушки тутъ повольникамъ
Пригодилися, услужили имъ;
Подъ хоромы ли бѣлокаменны
Онѣ хворосту да подкинули,
Запалили ихъ огнемъ полымемъ,
Разлился огонь, да по улицѣ,
Ровно волю мать полоненую
Во хоромахъ тѣхъ бѣлокаменныхъ
Слобонить взялся вмѣстѣ съ вольницей:
„Воротись ты молъ мать родимая
„Побратайся молъ съ православными.“

А и баръ, купцовъ стадо цѣлое
Этимъ полымемъ уничтожило.
Не въ терпежъ пришло окаяннымъ
Изъ хоромъ своихъ, да повыбѣгли
Да и тутъ народъ не помиловалъ:
„Вамъ молъ миловать было нѣкогда,
„Такъ той милости не проси у насъ.„
Кого саблями, кого кольями
Поубрали всѣхъ до единаго;
А чтобъ семя ихъ окаянное
На родную бѣду горюшко
Не плодилося, да не множилось,
И ребятъ туда-жъ порѣшили всѣхъ.
И не стало тутъ ни купцовъ, ни баръ
Ни маклачества людей скаредныхъ.
И пошелъ тогда по Зарайскому
Пиръ горой, да народный пиръ.
Будетъ впроголодь мужичкамъ сидѣть.
Не забыли тѣ добры молодцы
И колодниковъ. и безсчастненькихъ,
Что въ тюрьмахъ всю жизнь должны маяться.
Разломали они тюрьмы крѣпкія,
Кандалы они посымали съ нихъ,
И на вольный свѣтъ отпустили всѣхъ.
Отдохнувши день въ этомъ городѣ
Въ путь дороженьку вмѣстѣ съ солнышкомъ
Снова тронулись, потянулися.
Идетъ вольница грозой божіей,
Нѣту милости купцамъ съ барами,
Нѣтъ пощадушки да богачеству;
И бѣгутъ отъ нихъ полки царскіе,
Бѣгутъ вороги отъ казачества,

А и все впередъ по дороженькѣ
Добры молодцы подвигаются,
А ихъ ли слѣдъ по дороженькѣ
Алой скатертью, кровяной рѣкой
А и кровью той, да помѣщицкой
Заливается, обмывается.
И все далѣе идетъ вольница
Бурей грозною надвигается
Ко Москвѣ самой, къ бѣлокаменной.
Въ хаты курныя, да мужицкія
Вѣсть желанная, да сердечная
Съ этой бурею поразносится:
А и баръ, купцовъ и помѣщиковъ
Ужь не мало знать уничтожено,
Не далеко имъ тѣмъ повольникамъ
До Москвы пути оставалося,
И близехонько воля цѣльная.
Какъ однимъ денькомъ поразнесся слухъ
По всей вольницѣ, что молъ самъ ли царь
Къ казакамъ ли тѣмъ прислалъ грамоту.
Собралися тутъ, да козаченьки
Во козацкій кругъ слушать грамоту.
И повыступилъ тутъ царевъ слуга
Говорилъ онъ имъ таковы слова:
„Царь молъ батюшка всѣмъ вамъ бьетъ челомъ“
А сказавши то онъ низехонько
До сырой земли поклонился имъ.
И зачалъ читать самъ ту грамоту,
Что царь батюшка казакамъ прислалъ.
„Ой вы, дѣтушки мои родные,
„Перестаньте вы да смутьянствовать,
„Занапрасно кровь христіанскую

„Проливать ее въ большомъ множествѣ;
„Не одну вѣдь кровь льете барскую,
„А и ту ли кровь, кровь солдатскую,
„Вѣдь солдаты тѣ братья родные
„Вамъ повольникамъ всѣ доводятся,
„Много лучше вамъ не смутьянствовать
„Да повѣрить мнѣ царю вашему;
„А и твердымъ я словомъ царскіимъ
„Обѣщаньице нерушимое,
„Неизмѣнное посылаю вамъ.
„Обѣщаюсь дать, что захочите:
„Дать вамъ волюшку сколько надобно
„А и землю ту всю помѣщичью.
„Аль не знаете, что за васъ всегда
„Я горой стою, сыновья мои;
„Что мнѣ Господомъ такъ показано;
„Что Помазанникъ называюся.
„Заживете вы людьми вольными
„Во богачествѣ, во веселіи.
„И не будетъ баръ, ни купечества,
„Ни повинностей, ни рекрутчины
„На святой Руси нашей матушкѣ;
„А и набольшимъ окромя меня
„Никого у васъ не останется.
„Разойдитеся по селамъ своимъ,
„Дайте вѣру вы обѣщаньицу.
„А будете съ этихъ самыхъ поръ
„Знать вы волюшку, да меня царя.“
Прочиталъ посолъ эту грамоту
И низехонько поклонился вновь.
Отвѣчали тутъ добры молодцы:
„Супротивъ царя мы нейдемъ войной

„Коль за насъ стоитъ, даетъ волю намъ,
„Обѣщается словомъ царскіимъ
„Слобонить отъ баръ, отъ купечества,
„Отъ повинностей, отъ рекрутчины
„Ему вѣрить мы за всегда могимъ,
„Коли набольшихъ окромя его
„Съ этихъ самыхъ поръ не останется,
„Одному служить могимъ съ радостью;
„Кровь солдатскую понапраслину
„Проливать самимъ не охота вѣдь.“
Пораздумался тутъ народушко,
Разсудилъ онъ такъ: царской грамоты
Всѣмъ послушаться, разойтись всѣмъ
По избамъ своимъ, да на родину,
Что молъ царь сказалъ, то и свято есть.
А и Разинъ ли тутъ повыступилъ
И держалъ Степанъ таковую рѣчь;
—„Ой вы, молодцы разудалые,
„Видно съ вами мнѣ разставатися
„Пора-времячко подкатилося:
„Быть по вашему, по народному,
„Только съ вами мнѣ не рука идти:
„Стелетъ мягко царь, какъ то будетъ спать.
„Коли самъ даетъ онъ вамъ волюшку
„Стало самъ могитъ и отнять ее
„Коли самъ отъ баръ слобоняетъ васъ
„Стало самъ могитъ въ кабалу отдать.
„Какъ забралъ ты силой землю матушку,
„Какъ твоя она и останется,
„Только съ нею мы волю чувствуемъ;
„А голодному, да холодному
„Будь хоть въ крѣпости, хоть въ неволюшкѣ

„Жизнь не сладкая, горемычная
„И должонъ всегда на богатыхъ ты
„Ровно скотъ какой натружатися.
„А и вѣрно то, что силой забралъ,
„Только этого вновь отнять нельзя.
„Много мы извели господъ,
„Да не мало ихъ поосталося;
„Не за насъ, за нихъ царь горой стоитъ;
„Кабъ любилъ онъ насъ,, не послалъ бы онъ
„Супротиву насъ, да полки свои,
„Безъ войны бы самъ далъ онъ волюшку,
„Далъ бы землю намъ, да не бралъ бы съ насъ
„Тѣхъ повинностей, не помѣрныихъ.
„Посмотрите вы православные:
„Кто вокругъ царя, кто съ нимъ въ дружествѣ?
„Господа вѣдь, все ихъ—онъ жалуетъ,
„Въ генералы ихъ производитъ онъ,
„А они въ полкахъ и орудуютъ;
„Обижать же ихъ не резонъ ему
„И безъ нихъ ему не процарствовать.
„А и барамъ то за царемъ тепло,
„Другъ за дружку все они держатся.
„И народъ къ себѣ не подпуститъ царь,
„Не подпуститъ онъ съ того самого,
„Что не вѣритъ онъ во народушко.„
И вскочилъ Степанъ на добра коня,
И уѣхалъ онъ, пропалъ безъ вѣсти.
А и рѣчи той подивилися,
Не повѣрилъ онъ слову царскому;
Нешто любо намъ кровь солдатскую
Проливать намъ всѣмъ по напрасному,
Когда воля намъ пообѣщана.

Разошлись тогда добры молодцы
По селамъ своимъ, да по хаточкамъ,
А и стали они дожидатися
Той обѣщанной царской волюшки.
А имъ ли въ слѣдъ, да скорехонько
Понаѣхали и помѣщики,
И исправники, слуги царскіе,
И купечество міроѣдное;
И зажилъ народъ, да по прежнему:
Съ горемъ, съ бѣдностью замежъ волюшки.
И увидѣлъ тутъ весь народушко,
Что надулъ ихъ царь, да помазанникъ,
Что не хочетъ дать онъ имъ волюшки,
Той обѣщанной воли матушки.
А и какже такъ загалдѣлъ мужикъ:
Не въ терпежъ теперь намъ приходится
Отъ житья бытья горемычнаго,
Безъ земли родной, да безъ волюшки;
А и знать опять ее матушку
Добувать опять намъ приходится
Всѣмъ народушкомъ, саблей острою.
Вотъ и видитъ царь, что грозитъ ему
Сила грозная, да народная
И народу царь пишетъ грамоту:
„Погодите молъ будетъ все у васъ,
„Что обѣщано все получите,
„Заживете такъ, помирать потомъ
„Православные не захочите.
„Черезъ девять лѣтъ дамъ и землю вамъ
„И отъ баръ народъ ослобоню совсѣмъ.“
Десять лѣтъ прошло, а народушко
И до этихъ поръ не дождался вѣдь

Ничего того, что обѣщано;
Только сборы то поприбавились,
Только стало жить потруднѣй еще.
И идутъ года, идутъ многіе
Царь все волю дать обѣщается;
Отъ той бѣдности, да отъ горюшка
Отъ работушки, отъ постылой той
На повинности, на богатыихъ
Слабонить всѣхъ собирается,
Той обѣщанной царской волюшкой.
А и видно быть по Степанову
Ни кому не знать ее матушки,
Проживать имъ всѣмъ въ лютой бѣдности,
Работать весь вѣкъ на богатаго.
До тѣхъ самыхъ поръ не дождать ее
Пока вѣрить царю еще станетъ народъ
Слову царскому, да фальшивому,
Пока будетъ онъ все смиренствовать
И даваться обирать всякой сволочи.
До тѣхъ самыхъ поръ пока весь народъ,
Не познаетъ самъ, не провѣдаетъ,
Что не дождать ему воли матушки
Отъ царя, отъ баръ, отъ господъ другихъ.
Что самому ему добывать ее
Изъ плѣна царскаго, да приходится.
И тогда народъ гаркнетъ грозный кличъ:
„Приходи Степанъ атаманствовать!“
А и Разинъ тутъ снова явится
Изъ народушка, гдѣ скрывался онъ,
Снова явится атаманствовать,
Молодцемъ какъ былъ съ саблей острою;
И народъ тогда вмѣстѣ съ Разинымъ

Издобудутъ себѣ волю матушку,
Земли множество отъ помѣщиковъ,
Слобонятъ себя отъ рекрутчины,
Отъ лихихъ податей, да отъ барщины;
И заживетъ тогда народъ счастливо
Жизнью вольною, развеселою.

***

На голосъ: Внизъ по матушкѣ по Волгѣ.

Изъ за матушки за Волги
Со широкаго раздолья,
Поднялась толпой-народомъ
Сила русская сплошная.
Поднялась спокойнымъ строемъ
Да какъ кликнетъ громкимъ кличемъ:
Добры молодцы идите,
Добры молодцы сбирайтесь—
Съ Бѣла-моря ледянаго,
Со степнаго Черноморья,
По родной великой Руси,
По Украйнѣ по казацкой,

Отстоимъ мы нашу землю,
Отстоимъ мы нашу волю,
Чтобъ земля намъ да осталась,
Воля вольная сложилась,
Барской злобы не пугалась,
Властью царской не томилась!...